

Н.В. Мкртчян¹

Ю.Ф.Флоринская²

Трудовая миграция в России: международный и внутренний аспект³

Аннотация

В статье совместно рассмотрены процессы внутренней и международной миграции в России. Доступные источники статистической информации и обзор исследований позволяют определить их как количественно сопоставимые, но имеющие выраженную региональную специфику. Несмотря на тяготение внутренних и международных мигрантов к крупнейшим городам, российские «отходники» чаще выезжают на работу в регионы Севера и Востока страны. Социально-демографические характеристики внутренних и международных мигрантов во многом совпадают, в том числе, по причине их востребованности в одних и тех же нишах на рынке труда – отраслевых и профессионально-квалификационных. В целом мигранты-россияне и иностранцы скорее дополняют друг друга на региональных рынках труда, чем являются конкурентами. Используемые в статье результаты исследований последних лет, проводимых ИНСАП РАНХиГС, позволяют утверждать, что социально-экономические эффекты международной и внутристрановой трудовой миграции схожи (в т.ч. по объему трансфертов домохозяйствам), однако значимость миграции для экономики домохозяйств и местных бюджетов в России недоучитывается.

Ключевые слова: Трудовая миграция; Внутренние мигранты; Международные мигранты; Социально-демографические характеристики мигрантов; Регионы России.

Классификация JEL: J61, R23

Понятие трудовой миграции и сам термин «трудовой мигрант» (или «трудящийся-мигрант») в научной и общественной дискуссии употребляются чаще всего применительно к международной миграции⁴. Международные (иностранные) трудовые

¹ НИУ ВШЭ; ИНСАП РАНХиГС, Москва

² ИНСАП РАНХиГС; НИУ ВШЭ, Москва, jflorin@yandex.ru

³ Сокращенная версия статьи опубликована в Журнале Новой экономической ассоциации № 1 (37), 2018.

⁴ Согласно Международной конвенции ООН о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей от 18 декабря 1990 года, «термин «трудящийся-мигрант» означает лицо, которое будет заниматься, занимается или занималось оплачиваемой деятельностью в государстве, гражданином которого он или она

мигранты в России – это граждане других государств, прибывшие в нашу страну с целью работы.

Вопросам международной трудовой миграции в Россию посвящено большое количество литературы, в том числе отдельный раздел Хрестоматии по миграции (Миграция в России, 2013). Однако трудовая миграция в России не исчерпывается трансграничными перемещениями, потоки трудовой миграции внутри страны вполне сопоставимы по объемам с международными, а вклад внутренних трудовых мигрантов в занятость на многих региональных рынках труда даже более значим. При этом изучению вопросов внутренней трудовой миграции в России уделяется значительно меньшее внимание, более того, вполне логичные попытки совместного анализа внутренней и международной трудовой миграции почти единичны. В частности, такая работа была выполнена авторами в 2015 г. (Флоринская и др., 2015), а затем продолжена в рамках исследовательского проекта «Трудовая миграция и территориальная мобильность в России: экономические, социальные и политические факторы», выполненного ИНСАП РАНХиГС в 2016 г. В данной статье мы продолжаем анализировать современную трудовую миграцию в России, в ее международном и внутривосточном аспектах.

К внутривосточным трудовым мигрантам (отходникам) мы относим граждан России, чье место работы находится в другом регионе или другом муниципальном образовании (отличном от места постоянного проживания), при этом работник не имеет возможности ежедневно, или раз в двое-трое суток перемещаться между домом и работой. Внутренний трудовой мигрант – это тот, кто совершает поездки домой, к семье, не чаще 1 раза в неделю, но при этом не переехал на постоянное местожительство в город или регион, где находится его нынешняя работа. Семья такого работника (при ее наличии) остается проживать в другом регионе (муниципальном образовании) России.

Объемы трудовой миграции

Оценки масштабов внутривосточной трудовой миграции в постсоветской России впервые были сделаны Ж.А. Зайончковской и коллегами (Миграция населения, 2001, с.21) на основе обследований домохозяйств населения ряда городов России, и составляли на рубеже 1990-2000-х гг. 2,5-3 млн человек, этому же периоду принадлежат оценки в 4,5-5,8 млн. человек (Рязанцев, 2004).

Перепись населения 2010 г. позволила выделить работающих в других регионах страны, численность которых составила 2,3 млн человек, которых, с известной долей

условности, можно считать межрегиональными трудовыми мигрантами (Антонов, 2016). Публикуемые с 2011 г. данные обследований рабочей силы (ОРС, ранее – ОНПЗ) определяют численность трудовых межрегиональных мигрантов в 1,6-1,7 млн. человек, критерием их выделения является посещение дома не чаще 1 раза в неделю. Оценка ОНПЗ консервативна, эксперты (Нефедова, 2015) считают ее заниженной. Но и оценки в 15-20 млн (Плюснин и др., 2015) явно завышены, коллектив авторов, введших ее в обсуждение, не представил обоснованных доказательств столь широкого распространения явления.

Согласно обследованию 4 малых городов, проведенному ИНСАП РАНХиГС в 2015 г., в предшествующие обследованию 5 лет более 20% домохозяйств имели в своем составе работника, участвующего в трудовой миграции; на момент проведения обследования 6% от общей численности занятого населения исследуемых городов находились на заработках. Распространять эти данные на все население России, естественно, неправомерно: домохозяйства средних и крупных городов участвуют в трудовой миграции реже (Карачурина, Мкртчян, 2012) среди сельских жителей, напротив, отходничество более распространено, хотя *«полевые методы исследований, позволяющие оценить их численность, не дают надежных результатов»* (Аверкиева, 2016).

Численность международных трудовых мигрантов в России была максимальной в 2013-2014 гг., эксперты оценивали ее в 6-7 млн человек ежегодно (Чудиновских и др., 2013). Оценки учитывали как данные официальной российской статистики получения разрешительных документов для работы, так и другие источники (миграционный учет, результаты социологических обследований, данные посылающих стран и т.д.). С 2015 г., вследствие изменения экономических условий в России, девальвации рубля, а также нововведений миграционного законодательства, значительно увеличивших стоимость выхода международных мигрантов на российский рынок труда, численность иностранных трудовых мигрантов в России заметно сократилась. На сегодня, по нашим оценкам, она составляет примерно 4-5 млн человек одновременно (что составляет 6-7% от численности занятых в России). Возможности количественных оценок иностранной трудовой миграции значительно упростились с разработкой и регулярным пополнением миграционными органами РФ Центрального банка данных учета иностранных граждан (ЦБДУИГ). Так, по данным ЦБДУИГ, в 2017 г. численность пребывавших на территории РФ мигрантов, въехавших с целью «работа по найму»⁵, колебалась в течение года от 3,6

⁵ С 21 июля 2014 года, согласно Федеральному закону №230-ФЗ, указание цели «работа по найму» в миграционной карте стало обязательным для въезжающих в Россию трудовых мигрантов (в противном случае, они не смогут оформить разрешительные документы для работы)

млн до 4,3 млн человек⁶; еще около 0,5 млн иностранцев въезжают или уже давно въехали в Россию с другими целями (например, частной), но при этом работают.

Направления и регионы/страны - «доноры» трудовой миграции

Направления внутренней трудовой миграции во многом совпадают с переселениями на постоянное место жительства (ПМЖ), но есть и отличия. Крупнейшим центром притяжения трудовых мигрантов является столичный регион - Москва и Московская область (как и для переезжающих на ПМЖ), но вторым по значению направлением является Тюменская область, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий АО. Столичный регион «собирает» трудовых мигрантов с Центрального, Южного, Северо-Кавказского, части Приволжского и Северо-Западного федеральных округов (ФО); из Предуралья и Урала, регионов Юга Западной Сибири чаще ездят на работу на Тюменские Севера (Между домом и... домом, 2016). Санкт-Петербург является скорее локальным центром притяжения трудовых мигрантов, он распространяет свое влияние на ближайшие регионы Северо-Западного ФО. Также притягательными для трудовых мигрантов являются регионы Севера Европейской части, Сибири и Дальнего Востока, но масштабы миграции сюда не такие, как в нефтегазовые регионы.

Даже по заниженным данным ОРС/ОНПЗ в отдельных регионах России (например, в республиках Чувашия и Калмыкия, Ивановской, Владимирской, Тульской областях) доля выезжающих на работу составляла 8-10% от всего занятого населения. В целом наиболее сильную распространенность трудовая миграция имеет в регионах Центральной России и Приволжье. Среди населения восточных регионов России трудовая миграция не получила распространения, при невозможности найти работу в своем поселении здесь часто предпочитают выезд на ПМЖ в крупные города, чаще – в регионы Западной части страны.

Во многих регионах России имеет место внутрорегиональная трудовая миграция, почти всегда она направлена в региональную столицу. Эту миграцию нельзя оценить по данным ОРС/ОНПЗ, согласно данным обследования ИНСАП РАНХиГС 2015 г., около 20% трудовых мигрантов из исследуемых малых городов (исключая маятниковые, ежедневные поездки) выезжали на работу в свою региональную столицу.

Внутрироссийские трудовые мигранты предпочитают перемещаться на сравнительно короткие расстояния, чтобы иметь возможность регулярно бывать дома. Часто расстояние между домом и работой не превышает 500 км, или до 10 часов времени

⁶ Здесь и далее (если не указан другой источник) при анализе международной трудовой миграции используются данные ЦБДУИГ ГУВМ МВД РФ

в пути на поезде или автомобиле (Плюснин и др. 2015). Отходники на Севера проводят больше времени в пути, и возвращаются домой реже, но их визиты домой более продолжительны.

Распределение международных трудовых мигрантов по территории России во многом повторяет картину внутренней миграции: судя по оформленным в 2016 г. разрешительным документам для работы (разрешениям на работу и патентам), больше всего иностранных мигрантов работало в ЦФО - 46%, из них в Москве - 27%, а в Московской области – 10%. Таким образом, столичный регион привлек более трети всех документированных международных трудовых мигрантов (а если смотреть в целом по доле вставших на первичный миграционный учет с целью «работа по найму», то на Московский регион пришлось в 2016 г. еще больше - 47% всех иностранцев этой категории в РФ). Вторым по привлекательности остается Северо-Западный ФО, его доля – 15% от всех официально работающих иностранцев, практически полностью она обеспечивается Санкт-Петербургом и Ленинградской областью; 10% работают в Приволжском ФО, по 7-8% - в Сибирском, Уральском и Южном ФО. Как видим, иностранцы в меньшей степени, чем внутренние трудовые мигранты, едут в нефтегазовые регионы, но чаще – в крупные агломерации. Заметен вклад международных мигрантов на рынках труда Свердловской (2,6% в 2016 г.), Новосибирской (2%), Иркутской областей (2,1%), Краснодарского края (2,5%).

На российском рынке труда представлены иностранные работники более чем из 100 стран мира. Однако подавляющее большинство международных трудовых мигрантов на сегодня составляют граждане государств-участников СНГ, их доля непрерывно росла на протяжении последнего десятилетия: если в первой половине 2000-х годов доля визовых и безвизовых (из стран СНГ) трудовых мигрантов была примерно равной, то в 2007 г. на страны СНГ пришлось уже две трети работавших иностранцев, в 2013 г. – 85%, а в 2016 г. – 94%. Основные страны - доноры трудовой миграции в Россию – Узбекистан (33% от всех вставших на первичный миграционный учет с целью «работа по найму» в 2016 г.), Таджикистан (20%), Украина (12%), Киргизия (9%)⁷, Молдавия (6%), Армения (5%). Среди стран дальнего зарубежья наиболее массово представлены на российском рынке труда работники из Китая и КНДР, но их общая численность в 2016 г. – около 73 тыс., что почти в 20 раз меньше численности мигрантов из двух стран - лидеров по этому

⁷ Трудовая миграция из этой страны после ее вступления в ЕАЭС в 2015 г. (и, соответственно, возможности для мигрантов не оформлять разрешительные документы для работы в РФ) растет особенно быстрыми темпами, и уже почти сравнялась с трудовой миграцией из Украины.

показателю в СНГ – Узбекистана и Таджикистана – в 2016 г. число работавших мигрантов из этих стран достигло 1,3 млн⁸.

Социально-демографические характеристики трудовых мигрантов

Среди внутренних трудовых мигрантов явно преобладают мужчины, согласно данным ОРС/ОНПЗ, их доля составляет около 83%. Они моложе, чем не участвующие в трудовой миграции россияне, но, в отличие от долговременных мигрантов, в их составе почти нет людей в возрасте 15-19 лет – это возраст получения образования, выход на рынок труда осуществляется позже. Возраст трудовых мигрантов в Москву и Санкт-Петербург моложе, чем у мигрантов на север Тюменской области, и в целом на Севера. Это объясняется, видимо, межрегиональными различиями в профессионально-квалификационной и отраслевой структуре занятости в этих регионах, о чем будет сказано ниже.

Многие трудовые мигранты-мужчины имеют семью и несовершеннолетних детей. Среди женщин, напротив, повышенная доля разведенных и вдов, видимо, в трудовую миграцию их «выталкивает» необходимость в одиночку обеспечивать детей. Длительные разлуки с семьей, отсутствие возможности самостоятельно воспитывать детей – одна из серьезнейших проблем временной трудовой миграции – как внутренней, так и международной.

Среди внутренних трудовых мигрантов доля лиц с высшим образованием примерно вдвое ниже, чем среди всего занятого населения. Преобладают имеющие начальное и среднее профессиональное образование, что объясняется спецификой занятости и особенностью ниш на рынке труда, которые они занимают. Как показало исследование внутренней миграции в Москве и Санкт-Петербурге, проведенное ИНСАП РАНХиГС в 2017 г., высококвалифицированные работники зачастую осуществляют быстрый переход из категории временных в долговременные мигранты, они больше зарабатывают (около половины из переехавших в Москву квалифицированных мигрантов получили «прибавку» в заработной плате более чем вдвое) и имеют больше возможностей осуществить переезд в город или регион, где работают, перевезти семью. Поэтому лиц с высшим образованием и высокой квалификацией среди временных трудовых мигрантов мало.

О социально-демографических характеристиках международных трудовых мигрантов известно меньше, чем о внутренних мигрантах. Среди них также преобладают

⁸ Данные Росстата.

http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1135087342078.

мужчины, по данным официальной статистики их доля – около 70%, но по странам различия довольно существенные: от 50-60% (мигранты из Украины, Молдавии, Киргизии) до более 80% (из Узбекистана и Таджикистана). Доля женщин в потоке трудовой миграции все время растет, т.к. складывающиеся в России мигрантские сети облегчают женскую трудовую миграцию: мужчины чаще выступают первопроходцами, а за ними едут уже женщины, и как члены семьи, и как одиночки (Тюрюканова и др., 2011). Кроме того, расширяется и сфера приложения женского труда – клининг, уход за детьми и престарелыми в частных домохозяйствах, сфера услуг.

Трудовая международная миграция все время молодеет – т.к. в ее составе растет доля мигрантов из Средней Азии, с более молодым населением⁹. Все чаще мигранты из Узбекистана, Таджикистана и Киргизии выезжают на работу сразу после окончания школы. Более 40% работающих в РФ мужчин – моложе 30 лет; среди женщин доля этой группы меньше – около трети. Еще более четверти трудовых мигрантов – и мужчин, и женщин – находятся в возрастной группе от 30 до 40 лет. Среди мигрантов из Узбекистана и Таджикистана доля самой молодой группы, до 30 лет, особенно значительна – в 2016 г. 43% и 45%, соответственно¹⁰ (при этом в занятом населении России доля этой группы в два раза ниже - 21,5% в 2016 г.¹¹).

Об остальных характеристиках международных трудовых мигрантов (семейный статус, образование) можно судить только на основании выборочных социологических обследований. Так, по результатам различных обследований 2009-2013 гг., почти половина мужчин-мигрантов состоят в браке; среди женщин-мигрантов доля таких еще выше – 60% (Флоринская и др., 2015). Однако не более трети мигрантов-мужчин берут с собой в миграцию жен (среди женщин – более половины едут вместе с мужьями); еще меньше - от 10 до 15% трудовых мигрантов привозят с собой детей.

Уровень образования международных трудовых мигрантов, судя по данным социологических обследований, значительно уступает российскому занятому населению: высшим образованием обладают от 14% до 17% мигрантов (среди занятых россиян – 33,5%); средним профессиональным – от 26% до 42% (45%); средним общим – от 37% до 46% (18%). Однако стоит учесть, что приведенные данные по международным мигрантам

Дата просмотра 10.01.2018

⁹ Этот процесс временно замедлился в 2015 г., с появлением большого числа мигрантов из Украины и сокращением миграции из Средней Азии, однако в 2017 г. тренды возобновились

¹⁰ Данные Росстата за 2016 г. по работающим в РФ на основе патента иностранцам.

http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1135087342078

Дата просмотра 10.01.2018

¹¹ Данные Росстата

http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1139916801766

Дата просмотра 10.01.2018

относятся к началу текущего десятилетия, но в последние 3 года миграционные тренды несколько изменились, и в России выросло число временных мигрантов из Украины и стран ЕАЭС, а они обладают более высоким уровнем образования. При этом большинство исследователей отмечают недоиспользование даже имеющегося образовательного и квалификационного потенциала международных мигрантов (MukomeI, 2013). Такое же мнение высказывали российские работодатели, нанимающие иностранцев, в ходе проведенных ИНСАП в 2016 г. фокус-групп (*«В основном у нас как-то попадают, даже если низкоквалифицированный работник на мойку, то это люди с высшим образованием. У нас уборщица была, которая в Ташкенте была акушером-гинекологом»* - работодатель, Санкт-Петербург).

Ниши и условия занятости трудовых мигрантов

Внутренние трудовые мигранты концентрируются в строительстве, торговле и услугах (женщины), в охране, на транспорте. В восточных регионах страны значительная их доля занята добычей полезных ископаемых, здесь эта отрасль делит первое место со строительством, что видно как из данных ОРС/ОНПЗ, так и обследований домохозяйств в малых городах 2015 г. В столичном регионе, в Санкт-Петербурге, помимо строительства, преобладает занятость в сфере услуг, в охране. Этот труд сравнительно легкий, не требующий особой квалификации, в противовес квалифицированному, требующему специальных навыков – в строительстве, на производстве, в лесозаготовке и т.п. (Плюснин и др., 2013). Отличия трудовой миграции в крупнейшие города («Москву»), которые *«дают шанс всем»* и работа на промыслах, где *«в цене люди рабочих профессий... велика доля 40-50-летних мужчин, получивших специальное образование еще в СССР»* (Между домом и... домом, 2016), в значительной мере определяют разницу не только в профессионально-квалификационной, но и возрастной структуре работников.

Как показало исследование квалифицированных мигрантов в Москве и Санкт-Петербурге, проведенное ИНСАП РАНХиГС в 2017 г., они не дискриминированы в заработной плате, некоторое отличие имеется только среди самой молодой группы мигрантов и объясняется, видимо, отсутствием опыта и трудового стажа. Различия в зарплатах зависят прежде всего от отрасли экономики и должности опрашиваемого.

Заработки внутрироссийских трудовых мигрантов из малых городов немного ниже, чем средняя заработная плата в регионах, где они трудятся, прежде всего потому, что наиболее высокооплачиваемые отрасли экономики – госуправление, финансы и кредит, не являются нишей для трудовых мигрантов. Их доход соответствует заработку специалистов в тех трудовых нишах, которые они занимают. В 2015 г. средний заработок

трудовых мигрантов составлял 37,2 тыс. рублей и был выше средней зарплаты по России в 1 квартале 2015 г. (31,6 тыс. рублей). Однако в Москве, Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком АО, где трудилось большинство мигрантов из исследуемых городов, средняя зарплата составляла, соответственно, 61, 60 и 72 тыс. рублей. Но по сравнению со средней зарплатой в исследуемых городах, заработки мигрантов, напротив, отличались в большую сторону, от 1,5 до 2 раз. Наиболее высокие заработки имели те, кто работал на вахте, на Севере. У большинства работающих там зарплата превышала 50 тыс. рублей, в малом городе столько заработать невозможно.

Данные ОРС/ОНПЗ не дают адекватного представления о распространенности ненормированного рабочего дня, работы без выходных, особенностях оформления трудовых договоров работников. Однако сам режим работы трудовых мигрантов «завязан» на регулярные поездки домой, предполагает интенсивную, сравнительно с многими другими категориями работников, работу в течение 1-2 недель или большего срока, а потом продолжительной отлучки домой. В одном из интервью с трудовым мигрантом в 2006 г. было сказано: *«мне нравится работать так, я не хочу 5-дневной недели. Я занимаюсь дома своими делами, за 2 дня все равно не отдохнешь»* (Зайончковская, Мкртчян, 2007, с.25). Это называют «ловушкой свободного времени» (Нефедова, 2015) - привычка к особому ритму работы формирует особый тип личности отходника. Работа отходника – более рисковая, в другом регионе или городе чаще возникают ситуации невыплаты заработной платы, непонятные штрафы и т.п., но трудовые мигранты сознательно идут на этот риск, «им заработать надо».

Ниши занятости международных трудовых мигрантов во многом совпадают с указанными для внутренних мигрантов, но с определенными ограничениями – например, их практически нет среди охранников. В целом, судя по последним доступным данным за 2014 г. (в последующие годы такая статистика по основной части работающих мигрантов не публикуется), на первом месте было строительство (около трети занятых), на втором – сфера услуг (13%), на третьем – обрабатывающие производства (10%). Проведенное в 2017 г. крупномасштабное исследование трудовых мигрантов (НИУ ВШЭ; 8577 респондентов в 19 регионах), показало снижение занятости мигрантов в строительстве и рост - в сфере услуг.

Оформление трудовых отношений с международными мигрантами прежде всего определяется их статусом в России. Их трудовая деятельность может быть легальной, если они въехали в страну, указав при пересечении границы цель «работа по найму», и работают по разрешению на работу (РНР) (для мигрантов из стран, имеющих с Россией визовый режим въезда, а также высококвалифицированных мигрантов), или приобретают

патент (для иностранцев из стран СНГ), или трудятся без разрешительных документов в рамках действующих межгосударственных соглашений (мигранты из стран ЕАЭС). Во всех остальных случаях иностранные мигранты не имеют возможности легализоваться на российском рынке труда. С другой стороны, и оформленные мигрантом разрешительные документы не всегда приводят к его официальному трудоустройству – необходимо встречное желание работодателя, а оно возникает далеко не всегда: так, за 2016 г. 1,6 млн. иностранных мигрантов оформили РНР или патенты для работы в России; за этот же год работодатели прислали в миграционные органы чуть больше 1 млн уведомлений о заключении договоров с иностранными работниками с патентами или РНР, т.е. только две трети легальных трудовых мигрантов могли вступить в официальные отношения с работодателем. Отметим, что независимо от наличия или отсутствия официального договора с работодателем, безвизовый трудовой мигрант, оформивший патент (а таких среди легальных мигрантов большинство, 1,5 млн в 2016 г.), платит в региональные бюджеты ежемесячную плату за патент (авансовый налог), всего в 2016 г. эта сумма по России составила 45 млрд. руб. И в этом отличие международного мигранта с патентом, работающего в неформальной сфере, от российского неформала, который налогов не платит. Что касается дискриминации в зарплатах, то проведенные ИНСАП социологические обследования показывают, что она касается как оформленных, так и не оформленных трудовых мигрантов. Дискриминация проявляется не столько в размере ежемесячной оплаты, которая может быть и одинаковой для россиян и иностранных мигрантов, сколько в почасовой оплате – за ту же зарплату иностранцы работают больше рабочего времени; кроме того, им не оплачивают сверхурочные, отпуска и больничные (*«они согласны работать без выходных»; «готовы работать сутками», «они неприхотливы, согласны на всё»* - из материалов фокус-групп с работодателями).

Социально-экономический эффект трудовой миграции

Основную часть заработанного внутрироссийские трудовые мигранты тратят дома, в месте проживания их семей. Результаты исследования в малых городах показали, что 68% трудовых мигрантов привозят домой более 75% заработанного. На северной вахте многие и не могут потратить заработанное, здесь часто работников обеспечивают питанием, значимым «бонусом» является низкая стоимость жилья или полное отсутствие платы за него в месте работы на вахте. Конечно, такие условия есть далеко не у всех, но все экономят, проживая либо по месту работы (в строительных бытовках на объекте, в «дежурке» и т.п.), или снимают только койко-место. Лечиться, получать иные социальные услуги трудовые мигранты предпочитают дома.

При этом роль трудовой миграции явно недооценивается. Часто в интервью с представителями региональных и местных властей слышится недовольство, что люди, зарабатывая в других регионах и городах, там же и платят налоги – местные бюджеты недосчитываются налоговых поступлений. Но трудовая миграция – важный не только для домохозяйств, но и для местной экономики и бюджетов канал денежных трансфертов из «богатых» регионов и муниципальных образований в «бедные».

Исследований, позволяющих оценить масштабы этих трансфертов, практически нет. Но, если даже принять консервативную оценку численности внутристрановых трудовых мигрантов в России – 2 млн. человек, с учетом заработка в 37 тыс. рублей в месяц, ежемесячный объем межмуниципальных денежных трансфертов составит 55-60 млрд. рублей, в год – 660-710 млрд. рублей. По действующему на середину 2015 г. курсу рубль - более 10 млрд. долларов США (на 2017 г. – больше). Это практически равно объему трансфертов из России в страны СНГ - 11,1 млрд. долларов США в 2015 г.¹² Если же оценивать численность внутрироссийских трудовых мигрантов в 3-4 млн. человек, размер их трансфертов явно превысит размер мигрантских трансфертов в эти страны. Эти деньги тратятся, повторяясь, в бедных муниципальных образованиях – малых, зачастую депрессивных городах, в сельской глубинке, где кроме заработков немногочисленных бюджетников, пенсий и пособий иных «живых» денег нет.

Международные трудовые мигранты так же, как и внутренние, большую часть заработанных средств тратят на родине (пересылают своим семьям). Опросы показывают, что от половины до двух третей полученных заработков мигранты посылают домой. В России иностранные работники экономят на всем: основной способ проживания – коллективный – в съемном жилье или общежитиях, вагончиках и т.д. (*«иностранцы живут!»* - работодатель, Санкт-Петербург); лечиться международные трудовые мигранты предпочитают на родине - по опросу в Москве в 2013 г. две трети мигрантов не пользовались здесь услугами медучреждений (Зайончковская и др., 2014). Даже после 2015 г., когда мигрантов обязали покупать полисы ДМС для работы в России, стоимость которых в среднем варьирует от 1,5 тыс. до 3 тысяч рублей за год, они все равно только в крайних случаях обращаются к врачам в России (даже и в этих случаях не по полису, который «не работает», а платно). Тем не менее, суммарные траты мигрантов в РФ в последние годы выросли – сказались увеличившаяся в несколько раз ежемесячная оплата за патенты, оплата за оформление разрешительных документов, уже упомянутая обязательная покупка полиса ДМС. Однако интервью с мигрантами, проведенные в

рамках проекта ИНСАП в крупных российских городах в 2016 г., показывают, что даже в условиях кризиса и резкого падения заработков в долларовом эквиваленте, они продолжают выкраивать средства для денежных переводов на родину, хотя сам размер посылаемого сильно сократился. Меняются суммы и в зависимости от цикла работы в России: сначала, когда идет оформление документов (сильно выросшее в цене с 2015 г.), мигранты почти ничего не могут послать домой, а к концу цикла, когда выплачиваются большие деньги за законченные работы, суммы могут достигать и очень крупных величин («до 100 тысяч»). Суммы переводов, по свидетельству мигрантов, начинаются от 50 долларов в месяц и заканчиваются 500 долларами.

Официальная статистика ЦБ РФ показывает, что в 2016 г. в страны СНГ было переведено 10,1 млрд. долларов США, это более чем в 2 раза ниже показателя докризисного 2013 г. (21,7 млрд. долларов США); при этом средняя сумма перевода также существенно сократилась – с 350 долларов США в 2013 г. до 192 долларов в 2016 г. Основные страны – получатели переводов – это те же страны-лидеры по численности трудовых мигрантов в Россию: страны Средней Азии и Украина¹³. Назначение переводов, как свидетельствуют авторские интервью с мигрантами и работы других исследователей (Labour Migration, 2015), главным образом, текущее потребление домохозяйств на родине (около 80-90%), строительство жилья, оплата образования и медицинского обслуживания, а также небольшие инвестиции в мелкое производство.

Заключение

Проведенный анализ достаточно убедительно показывает, что внутренняя и международная трудовая миграция в России имеют очень много общих черт – схожи объемы, направления и социально-демографические характеристики участников, и итоговый экономический эффект. И те, и другие мигранты массово представлены на одних и тех же региональных рынках труда, более того, часто концентрируются в сходных нишах занятости. Логично, что в таких условиях может возникать определенная конкуренция, причем именно между мигрантами разных категорий, а не мигрантами и местным населением (последнее – скорее миф, чем реальная проблема (Флоринская, 2015)). С другой стороны, россияне-мигранты чаще занимают более квалифицированные рабочие места в тех же самых организациях, где работают и иностранцы, и эти два вида потоков не сколько конкурентны, сколько комплиментарны (Григорьева, Мукомель, 2014) («разница между внутренними и между внешними мигрантами для меня как раз в том,

¹² Данные ЦБ РФ. <http://www.cbr.ru/statistics/Default.aspx?Prtid=tg> Дата просмотра 15.01.2018

¹³ Данные ЦБ РФ. <http://www.cbr.ru/statistics/Default.aspx?Prtid=tg> Дата просмотра 15.01.2018

что внутренние более квалифицированные люди, а внешние мигранты у меня как раз самую черновую работу выполняют» - работодатель, Москва).

В любом случае, мы считаем неоднократно предпринимаемые попытки полностью заменить иностранных мигрантов внутренними на наиболее привлекательных региональных рынках труда бесперспективными и популистскими: в условиях масштабного сокращения трудоспособного населения, которое переживает Россия, это больше походит на перетягивание «дырявого одеяла». Полагаем, что увеличить масштабы участия россиян в трудовой миграции не получится: практически все, кто хотел и имеет возможность выехать на работу в другие регионы и поселения, уже сделали это, значительных резервов нет.

Labor Migration in Russia: International and Internal Aspects

Mkrtchyan N.V., National Research University Higher School of Economics; Institute for Social Analysis and Prediction, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

Florinskaya Yu.F., Institute for Social Analysis and Prediction, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Abstract. The article examines the processes of internal and international migration in Russia. Available sources of statistical information and a survey of studies allow us to define them as quantitatively comparable, but having pronounced regional differences. Despite the gravitation of both internal and international migrants to the largest cities, Russian "otkhodniki" more often go to work in the regions of the North and the East of the country. The socio-demographic characteristics of internal and international migrants largely coincide, in part, because of their relevance in the same niches in the labor market - sectoral and vocational. In general, Russians and foreign migrants complement each other in regional labor markets rather than compete. The results of the recent research conducted by INSAP RANEPА, used in the article, allow us to state that the social and economic effects of international and internal labor migration are similar (including the volume of transfers to households). At the same time the significance of migration for the economy of households and local budgets in Russia is underestimated.

Keywords: Labor migration; Internal migrants; International migrants; Socio-demographic characteristics of migrants; Regions of Russia

JEL classification: J61, R23

Литература

- Аверкиева К.В.** (2016). Рынки труда и роль отходничества в занятости сельских жителей российского Нечерноземья // *Известия Российской академии наук. Серия географическая.* №1. С. 25-37.
- Антонов Е.В.** (2016). Трудовая мобильность населения России по данным Всероссийской переписи 2010 года // *Вестник Московского университета. Серия 5: География.* № 2. С. 54-63.
- Григорьева К. С., Мукомель В. И.** (2014). Мигранты и россияне на рынке труда: условия, режим труда, заработная плата // *Мигранты, мигрантофобии и миграционная политика.* В.И. Мукомель (ред.). М.: НП «Центральный Дом адвоката», Московское бюро по правам человека, «Academia». С. 82-99.
- Зайончковская Ж.А. и др.** (2001). Трудовая миграция в России // *Миграция населения.* Вып. 2.
- Зайончковская и др.** (2014). Защита прав москвичей в условиях массовой миграции. М.: Уполномоченный по правам человека в городе Москве. РОО «Центр миграционных исследований».
- Зайончковская Ж.А., Мкртчян Н.В.** (2007). Внутренняя миграция в России: правовая практика. М.: Центр миграционных исследований.
- Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В.** (2012). Потенциал пространственной мобильности безработных в России // *Социологические исследования.* № 2. С. 40-53.
- Между домом и... домом. Возвратная пространственная мобильность населения России** (2016). Т.Г. Нефедова, К.В. Аверкиева, А.Г. Махрова (ред.). М.: Новый хронограф.
- Миграция в России. 2000-2012.** (2013). Хрестоматия в 3 томах. Том 1, часть 1. РСМД, И.С.Иванов, Ж.А.Зайончковская (ред.). М.: Спецкнига.
- Нефедова Т.** (2015). Отходничество в системе миграций в постсоветской России. Предпосылки // *Демоскоп Weekly.* №641-642. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2015/0641/demoscope641.pdf>
- Нефедова Т.Г.** (2015). Миграционная подвижность населения и отходничество в современной России // *Известия Российской академии наук. Серия географическая.* №3. С. 41-56.
- Плюснин Ю.М. и др.** (2013). Отходники М.: Новый Хронограф.
- Плюснин Ю.М., Позаненко А.А. Жидкевич Н.Н.** (2015). Отходничество как новый фактор общественной жизни // *Мир России.* №1. С. 35–71.
- Рязанцев С.В.** (2004). Внутренняя миграция населения в России: региональные особенности и перспективы // *Народонаселение.* №3. С. 106-115.

Тюрюканова Е.В. и др. (2011). Женщины-мигранты из стран СНГ в России. Е.В. Тюрюканова (ред.). М.: МАКС ПРЕСС.

Флоринская Ю.Ф. (2015). Влияние миграции на рынок труда в Москве: представления москвичей и реальность // *Проблемы прогнозирования*. №2. С.135-143.

Флоринская Ю.Ф., Мкртчян Н.В., Малева Т.М., Кириллова М.К. (2015). Миграция и рынок труда. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС.

Чудиновских О., Денисенко М., Мкртчян Н. (2013). Временные трудовые мигранты в России // *Демоскоп Weekly*. №579-580. URL

<http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0579/demoscope579.pdf> .

Labour Migration, Remittances, and Human Development in Central Asia (2015).

Central Asia Human Development Series. UNDP. URL:

<http://www.eurasia.undp.org/content/rbec/en/home/library/poverty/central-asia-trade-and-human-development.html>

Mukomel V. (2013). Labour Mobility of Migrants from CIS Countries in Russia // *Central and Eastern European Migration Review*. Vol. 2. №2. P. 21–38.

REFERENCES (with English translation or transliteration)

Antonov E.V. (2016). Labor mobility of the population in Russia (according to the 2010 Allrussian Census Data) // *Moscow University Bulletin*. Series 5. Geography. №2. P. 54-63 (in Russian).

Averkieva K.V. (2016). Labor Markets and Role of “Otkhodnichestvo” in the Employment of Rural Residents of Non-Chernozem Zone of Russia // *Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk*. Seriya geograficheskaya. №1. P. 25-37 (in Russian).

Between Home and... Home. The Return spatial mobility of population in Russia (2016).

T.G. Nefedova, K.V. Averkieva, A.G. Mahrova (ed.). М.: Novyyiy hronograf (in Russian).

Chudinovskikh O., Denisenko M., Mkrтчyan N. (2013). Temporary labor migrants in Russia // *Demoscope Weekly*. №579-580. URL

<http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0579/demoscope579.pdf> (in Russian).

Florinskaya Yu.F. (2015). Impact of Migration on the Labor Market in Moscow: The Muscovite perspective // *Problemy prognozirovaniya*. №2. P.135-143 (in Russian).

Florinskaya Yu.F., Mkrтчyan N.V., Maleva T.M., Kirillova M.K. (2015). Migration and the Labor Market. М.: Izdatelskiy dom «Delo» RANEPА (in Russian).

Grigoreva K. S., Mukomel V. I. (2014). Migrants and Russians at the labor market: conditions, work mode, salary // *Migrantiy, migrantofobii i migratsionnaya politika*. V.I. Mukomel (ed.).

M.: NP “Tsentralnyiy Dom advokata”, Moskovskoe byuro po pravam cheloveka, “Academia”. P. 82-99 (in Russian).

Karachurina L.B., Mkrtchyan N.V. (2012). Potentialities of the unemployed's spatial mobility in Russia // *Sotsiologicheskie issledovaniya*. № 2. P. 40-53 (in Russian).

Labour Migration, Remittances, and Human Development in Central Asia (2015). Central Asia Human Development Series. UNDP. URL: <http://www.eurasia.undp.org/content/rbec/en/home/library/poverty/central-asia-trade-and-human-development.html>

Migration in Russia. 2000-2012. (2013). Anthology in 3 volumes. Vol. 1, part 1. RSMD, I.S.Ivanov, Zh.A.Zayonchkovskaya (ed.). M.: Spetskniga (in Russian).

Mukomel V. (2013). Labour Mobility of Migrants from CIS Countries in Russia // *Central and Eastern European Migration Review*. Vol. 2. №2. P. 21–38.

Nefedova T. (2015). Otkhodnichestvo in migration system in Post-Soviet Russia. Prerequisites // *Demoscope Weekly*. №641-642. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2015/0641/demoscope641.pdf> (in Russian).

Nefedova T.G. (2015). Migration Activity of Population and Migrant Workers in Modern Russia // *Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk. Seriya geograficheskaya*. №3. P. 41-56 (in Russian).

Plusnin Ju., Pozanenko A., Zhidkevich N. (2015) Seasonal Work (Otkhodnichestvo) as a New Social Phenomenon in Modern Russia // *Mir Rossii*. Vol. 24. №1. P. 35–71 (in Russian).

Plusnin Ju.M. et al. (2013). Otkhodniki. M.: Novyy Hronograf (in Russian).

Ryazantsev S.V. (2004). Internal Migration of the Russian Population: regional peculiarities and future prospects // *Narodonaselenie*. №3. P. 106-115 (in Russian).

Tyuryukanova E.V. et al. (2011). Women migrants from the CIS Countries in Russia. E.V. Tyuryukanova (ed.). M.: MAKS PRESS (in Russian).

Zayonchkovskaya Zh.A. et al. (2001). Labor migration in Russia// *Migratsiya naseleniya*. Vol. 2 (in Russian).

Zayonchkovskaya Zh. et al. (2014). Muscovites rights protection under the conditions of mass migration. M.: Upolnomochennyiy po pravam cheloveka v gorode Moskve. The Migration Research Center (in Russian).

Zayonchkovskaya Zh.A., Mkrtchyan N.V. (2007). Internal migration in Russia: legal practice. M.: The Migration Research Center (in Russian).